

Чэнь Шучжи и Бай Цунлай переглянулись. Что это за «ваши дела»? Разве можно такое говорить перед столькими людьми?

Он уже собирался отчитать его, как услышал, как Бай Цунлай начал допрос:

— Не ты? Ты привёз гроб своей дочери из Юнчжоу в столицу всего несколько дней назад, и тут же начались эти слухи. Перед отъездом ты распродал всё своё имущество, но при обыске твоего жилища ничего не нашли. Тело твоей дочери тоже было изуродовано до неузнаваемости. Если не ты, то объясни это.

Чжоу Фу, опустив голову, с трудом произнёс:

— Первое — это я, но ваши дела — это не я...

Бай Цунлай не стал обращать на это внимания и повысил голос:

— Зачем ты распространял слухи?

— Чтобы вымогать деньги у Чэнь Шучжи.

— Откуда у тебя такая информация?

— Я заплатил людям.

— Кому?

Чжоу Фу начал умолять:

— У меня нет доказательств, как я могу кого-то обвинять...

— Ладно, — кивнул Бай Цунлай, давая знак слугам увести Чжоу Фу. — Вы все видели, что эти абсурдные слухи распространяются этим человеком с целью вымогательства.

На этом задача Бай Цунлая была выполнена. Он взглянул на Лян Хуаня и отошёл в сторону.

Чэнь Шучжи же думал, что если Чжоу Фу не распространял последние слухи, то кто тогда?

Лян Хуань был очень доволен и, глядя на всех, сказал:

— Теперь вы все знаете, что вина лежит на мне, они не виноваты. Если у вас всё ещё есть недовольство, вы можете написать мне доклад, не нужно использовать такие низкие методы.

— Мы не смеем, — сказали несколько человек.

Его голос стал серьёзнее:

— Теперь, когда вы всё поняли, расскажите тем, с кем вы распространяли слухи, правду. Сможете?

— Сможем.

Лян Хуань подозвал Ли Чуаня:

— Я поручил Ли Чуаню учитывать поведение студентов в их оценках. Если обнаружу, что кто-то продолжает распространять ложь, это будет зафиксировано в их документах.

Услышав это, студенты внутренне встревожились. Они не думали, что это так серьёзно, но теперь стало ясно, что это не шутки.

— Кроме того, — голос Лян Хуаня стал спокойнее, — если в Императорском училище больше не будет слухов, я планирую в следующем году провести дополнительный экзамен, и двадцать процентов мест отдать студентам Императорского училища.

Услышав это, все обрадовались. Обычные экзамены не ограничивали количество мест для студентов Императорского училища, но, хотя они происходили из знатных семей, их знания обычно уступали тем, кто усердно учился в провинции. Каждый год менее десяти процентов студентов Императорского училища становились цзиньши.

Если бы двадцать процентов мест были зарезервированы для них, то несколько десятков из них могли бы сдать экзамен, и шансы каждого значительно увеличились.

Они поняли, что Лян Хуань не просто оказывает им милость, а предлагает сделку: возможность сдать экзамен в обмен на то, что они будут говорить только то, что он хочет.

Про себя они подсчитали, что это очень выгодная сделка. Распространять слухи — это бесполезно, это никак не повлияет на тех двоих, но сдать экзамен — это реальная выгода. Согласны!

Задав ещё несколько вопросов, чтобы проверить их настроение, Лян Хуань решил, что этого достаточно, и вместе с Бай Цунлаем и Чэнь Шучжи покинул Императорское училище.

Лян Хуань и Бай Цунлай сразу же сели в экипаж. Перед столькими людьми Лян Хуань не мог позвать Чэнь Шучжи с собой, и тот остался один, отстав далеко позади.

Только теперь он осознал, что они договорились с Лян Хуанем всё объяснить, но в итоге он, чтобы оправдать его, публично извинился перед всеми студентами?

Перед столькими людьми, в качестве императора, он признал свою вину. Это касалось его достоинства и его положения. Ради него он пошёл на такие жертвы? Неужели он так ценен?

По крайней мере, он так говорил.

*

Через пару дней Чэнь Шучжи поспешил узнать, изменились ли слухи в городе. Не решаясь идти в другие места, он решил сначала спросить в подворье Юнчжоу.

Подойдя к улице, он увидел знакомую фигуру у входа.

Как он здесь оказался? Даже если будет дополнительный экзамен, то только в следующем году.

Чэнь Шучжи помахал ему, и Хоу Цинсяо обернулся, узнав его, с радостью на лице:

— Это ты! Я знал, что в столице смогу тебя встретить.

Хоу Цинсяо был земляком Чэнь Шучжи, с которым они вместе сдавали экзамены. Чэнь Шучжи сдал и остался, а Хоу Цинсяо, как и многие другие, вернулся в Юнчжоу.

— Что ты делаешь в столице? — с удивлением спросил Чэнь Шучжи, глядя на него и стоящую

рядом женщину.

— Я ищу одну лавку, — улыбнулся Хоу Цинсяо. — Казённое подворье Юнчжоу, ты знаешь, где оно?

Чэнь Шучжи был удивлён, но указал ему путь:

— Оно вон там, иди прямо. Зачем тебе это подворье?

— Теперь оно моё, — сказал Хоу Цинсяо, направляясь туда.

Чэнь Шучжи впервые зашёл в это заведение, осмотрелся и понял, что это действительно место для чиновников, роскошное и уютное.

Хоу Цинсяо объяснил ему:

— Это подворье открыто властями Юнчжоу, чтобы обслуживать чиновников, но теперь оно на моё имя.

— А как же экзамены? — спросил Чэнь Шучжи. По правилам Дапина, занявшись торговлей, больше нельзя сдавать экзамены.

— Не буду сдавать, не буду, — махнул рукой Хоу Цинсяо. — Я столько лет сдавал, но ничего не вышло.

Они поговорили некоторое время, и Хоу Цинсяо вспомнил представить свою спутницу:

— Синли, это Чжоу Сяочу, ты, наверное, её видел.

Чэнь Шучжи сдерживал удивление, но нахмурился:

— Ты жива... а кто тогда был в гробу?

— В гробу?

— Её отец привёз гроб в столицу, чтобы вымогать деньги, сказав, что она... кхм, что она умерла.

Чжоу Сяочу постепенно поняла, в чём дело:

— В гробу было тело, которое он где-то нашёл. Чэнь Синли, ты знаешь, где мой отец?

— Он вымогал деньги у важных людей, и его арестовали.

Чэнь Шучжи кратко рассказал о последних событиях, и Чжоу Сяочу задумалась, а затем вдруг сказала:

— Я хочу подать на него в суд.

Оба удивились.

— Он чуть не довёл меня до смерти, я хочу обвинить его в попытке убийства, — с гневом сказала Чжоу Сяочу.

Чэнь Шучжи внутренне вздохнул. Её гнев понятен, но это... невозможно.

Чжоу Сяочу, схватив его за руку, серьёзно спросила:

— Кто его арестовал? К кому мне обратиться, чтобы подать заявление?

Он не был близко знаком с Чжоу Сяочу, поэтому не мог напрямую отговорить её, и только с сожалением сказал:

— Хорошо, я отведу тебя к тому, кто его арестовал, и ты сама с ним поговоришь.

*

Бай Цунлай, выслушав историю Чжоу Сяочу, прямо сказал ей:

— Не подавай в суд.

— Почему? — с обидой спросила Чжоу Сяочу.

Бай Цунлай, не глядя на неё, сказал:

— Ты говоришь, что он хотел тебя убить, но где орудие преступления? Кто это видел? Как доказать, что это он хотел тебя убить, а не ты сама пыталась покончить с собой? Даже если установят, что тело в гробу — не ты, это не докажет, что Чжоу Фу что-то сделал. Сейчас все в столице думают, что ты покончила с собой ради чести, и уже собираются поставить тебе памятник. Если ты теперь скажешь, что чуть не умерла из-за него, это тебе только навредит.

Чэнь Шучжи смущённо уставился на Бай Цунлая. Может, хватит говорить о самоубийстве?

— Кроме того, если ты подашь на него в суд, это будет дочь, обвиняющая отца. Независимо от исхода, ты сама будешь виновата, — спокойно добавил Бай Цунлай.

Чжоу Сяочу опустила глаза:

— Значит... ничего нельзя сделать? Если это просто вымогательство, его не казнят, а когда он выйдёт, он обязательно отомстит нам...

Чэнь Шучжи покачал головой. Казнить его? Даже если бы он действительно убил тебя, его бы не казнили.

— Ну, месть... я не боюсь...

— Я боюсь, — поспешно сказал Чэнь Шучжи. — Если это вымогательство, то можно понизить его в должности и отправить в Цюнчжоу, например.

Цюнчжоу — самая южная провинция Дапина, и, попав туда, он, вероятно, никогда не вернётся ни в столицу, ни в Юнчжоу. Учитывая возраст и здоровье Чжоу Фу, он мог бы умереть по дороге.

Бай Цунлай кивнул:

— Хорошо, его перевели в тюрьму Министерства наказаний. Поговори с Министерством чинов и Министерством наказаний.

[Авторская ремарка: Помните, кто распространил второй слух?

Студент Императорского училища А: Ваше Величество и Чэнь Шучжи познакомились много лет назад? Где? Как? Какие у вас отношения? Спали вместе?

Лян Хуань: ...Ваше Императорское училище, похоже, переделали из публичного дома.]

<http://bllate.org/book/16213/1456010>